УДК 81'38:[81'367+81'22]

Ищук Екатерина Николаевна,

аспирант кафедры «Русский язык и литература» Тольяттинского государственного университета.
ishchuk25112012@yandex.ru

НЕБУКВЕННЫЕ ГРАФИЧЕСКИЕ ЗНАКИ В ИНТЕРНЕТ-ПОЭЗИИ (НА ПРИМЕРЕ ТВОРЧЕСТВА Н. СКАНДИАКИ)

Статья рассматривает роль небуквенных графических знаков в области письменной речи, их место в языковой системе, а также авторскую пунктуацию современного поэта, стиль которого формируется за счет использования компьютерных «знаков клавиатуры». В работе уточняется структура периферии пунктуационной системы русского языка, которая в настоящее время претерпела изменения в связи с повседневным Интернет-общением.

Ключевые слова: **периферия пунктуационной системы, виртуальное общение, авторская пунктуация, идиостиль, новый авангардизм, Н. Скандиака, метаграфемика.**

Ishchuk Ekaterina Nikolayevna,

Postgraduate Student, Chair of Russian Language and Literature, Institute of Humanities and Pedagogics, Togliatty State University
ishchuk25112012@yandex.ru

FIGURE-LIKE GRAPHIC SIMBOLS IN INTERNET-POETRY (ILLUSTRATED BY N. SKANDIAKA'S CREATIVE WORKS)

The paper considers functions of figure-like graphic symbols applied in written language, their position in a language system, and explores inventor's punctuation of a modern poet shaping the style with the keyboard signs. The study specifies a structure of "peripherals" of Russian language punctuation system that has actually undergone alterations due to everyday' Internet communication.

Keywords: "peripherals" of punctuation system, virtual talk, inventor's punctuation, idio-style, newly avant-guardism, N. Skandiaka, meta-graphems.

В век Интернета и виртуального общения не могли не произойти изменения в сфере письма. Периферия пунктуационной системы (если опираться на теорию ее структуры Б.С. Шварцкопфа [1, с. 400]) пополнилась значками, которые ранее не применялись пишущими. «Центр стремится к экономии, периферия – к усложнению», – писала И.Г. Меркулова, а затем добавляла: «...Пограничные области системы, как правило, наиболее революционны» [2, с. 18, 25]. Эти значки вместе с традиционными знаками препинания, составляющими ядро системы пунктуации, образовали новые сочетания, которые приобрели свои значения и правила постановки (например, так называемые «смайлики»). Н. Зыков в своем «Кратком словаре-справочнике русского компьютерного диалекта» [3] среди особенностей Интернет-письма называет, помимо смайликов, альтернативные варианты полужирного и курсивного шрифтовых выделений, композиционное отделение комментариев от основного текста при помощи квадратных скобок. Кроме того, автор перечисляет функции прописных букв в виртуальном общении и некоторые сокращения при помощи небуквенных средств (| – «или», ~ или ^ – «нет»). Такие нововведения в области письменной речи не могли не отразиться на поэтическом творчестве, рожденном и бытующем в Интернете.

Одним из таких поэтов можно назвать Нику Скандиаку:

создать того, когда ты не (привет.)
зачем всё подбирать? изменить, как сам || поднимаешься и идёшь домой
изменить, как отправляешься домой
среди светящегося / (ветвящихся) по-прежнему людей/ создать человека, пока ты не человек

я дерево? – себе? – ищу? – зимой?
и дерево нагрето до руки
и дерево нагрето от руки,
и дерево согрето до руки. Берёза берёт.
на кольца нижется и обрастало мной

на кольца режет себя (свелось) и тилось, стает
и ниже нижется (да расставайся
уже) или же лижется ещё ближе, ищет
себя ище/ и у/ стоит

неземные созвездия, в которых
названия, в которых ты проживаешь,

нижезажженные чем/незачем, свечи,
пока я не свечение, бежим. [4, с. 78 - 79]

Такое пунктуационное оформление, с одной стороны, нарушает тот самый «договор между пишущим и читающим», целью которого и было составление правил пунктуации. С другой стороны, использование «символов с клавиатуры» расширяет возможности поэта, так как их использование по-новому отражает отношения смыслов лексем друг к другу.

И. Кукулин сравнивает пунктуационное оформление первой строки третьего абзаца *(свелось) и тилось* с приемом англоязычной поэзии и приводит пример из творчества американского поэта Э.Э. Каммингса: *«о(падает лист) диночество»* [5, с. 159]. То есть в виде математической формулы, где общий множитель выносится за скобки, перед читателем в более лаконичной форме предстают два слова (у Н. Скандиаки – *свелось* и *светилось*, у Э.Э. Каммингса – *опадает лист* и *одиночество*). Несомненно, внутри каждой пары слов существует большая связь, чем просто общая начальная буква, – связь семантическая. У Э.Э. Каммингса ассоциации более традиционны: *опадает лист -> осень -> время расставаний -> грусть и одиночество*. Интерпретации строки Н. Скандиаки не будут одинаковы у разных читателей: например, *свелось (во едино) -> воссоединилось -> от этого объединения родилось некое свечение.*

У Н. Скандиаки скобки объединяют традиционную свою функцию с функцией скобок у Каммингса (создание новых пунктуационных позиций внутри слова при сохранении связи между морфемами *о-* и *–падает* и возникновении новых отношений между *о-* и *-диночество*): с одной стороны, отделяют первоначально возникший у поэта образ-действие *свелось*, который является некоей дополнительной информацией для читателя, от конечного образа-действия *светилось*; и с другой стороны – обозначают пути превращения одного образа из другого.

Другие варианты оформления такой лингво-математической формулы при помощи косой черты: *и обращалась/ не отличая/-летая* [4, с. 53] (=*отличая+отлетая*), *([вечно/] уходящей/дающей?) (безмолвной)* [Указ. соч.] (=*вечно уходящей+вечно дающей*). Эти примеры иллюстрируют то, что Н. Скандиака активно использует в качестве пунктуационного знака косой слеш. Т.А. Острикова косую черту причисляет к «знаку альтернативности», «знаку отношения» или «знаку сокращения» [6, с. 36]. Действительно, слеш в приведенных примерах помогает читателю увидеть альтернативность авторских образов и показывает отношения между лексемама (в обоих примерах их объединяет даже частеречная принадлежность), а также поэт при помощи слеша компактно формулирует свою мысль, допуская некие лакуны (опущены восстанавливаемые из контекста префикс *от-* и наречие *вечно*). В паре *чем/незачем* в процитированном стихотворении слова, несомненно, схожи по звучанию, но то, как они относятся друг к другу в смысловом плане – решать читателю. Это может быть сокращённая вопросно-ответная форма (*– Зачем? – Незачем.*), отражающая отсутствие жизненных смыслов лирической героини.

Активно использующиеся поэтом знаки (скобки и косая черта) иногда ставятся в одной конструкции (последняя строка первого абзаца). Возможно, в паре *среди светящегося/(ветвящихся) по-прежнему людей* [4, с. 78] отражены разные представления поэта о мире: позитивное – *светящийся* мир – и пессимистическое – мир, в котором *«ветвящиеся»*, неопределившиеся в жизненном пути люди. Лирическая героиня выбирает для себя первый вариант образа мира, беря слово *ветвящихся* в скобки. Слеш снова способствует языковой экономии, помогая опустить повторяющийся в конструкциях общий элемент – предлог *среди.*

Н. Скандиака в первой строфе употребляет математический знак параллельности, но достаточно тяжело определить, что в поэтическом пространстве данной строки находится в состоянии «непересечения». Может быть, сама героиня и ее родной дом, и лирическая героиня хочет изменить эту ситуацию, ведь недаром лексема *изменить* повторяется. Либо две черты, стоящие перед словом *поднимаешься*, идеографически передают символ вертикального движения вверх.

Необычно оформлена вторая строка второго абзаца. Парцелляция как тенденция современной пунктуации предстала здесь в виде череды вопросов, связь между которыми так же далека, как и дистанция между лексемами, отделенными дополнительно при помощи тире. Передаваемые таким образом долгие паузы являются чертой идиостиля поэта.

Приведем еще несколько примеров нетрадиционной пунктуации. В своих стихах Н. Скандиака может употреблять два раза подряд закрывающие кавычки: *рассеянные фрагменты прямого опыта/»рассеяние сухого опыта»* [4, с. 50], *сборка рассеянных вместе/»сборка ветров»* [4, с. 51], *рассеяние одной темы попыткой подумать/»внутренности птиц сами предсказывают розу ветров»* [4, с. 52]. Возможно, направленные в одну сторону кавычки-«елочки» указывают на трансформации возникших в воображении лирической героини образов: образы

могут развиваться от одного и того же слова (сборка, второй пример), от однокоренных слов (рассеянные и рассеяние, первый пример) или словосочетания между кавычками-«елочками» не имеют общих элементов (третий пример). Используются также разные виды кавычек в одной конструкции – «елочки» и «лапки»: *“чем меня жизнь [проявляла]»* [4, с. 63]. В традиционных правилах кавычки-«елочки» – внешние, а «лапки» – внутренние; у Н. Скандиаки ни те, ни другие не имеют полноценной пары.

Нельзя точно определить поэтические правила постановки квадратных скобок, а также отличие их от постановки круглых: *пульс [любой] личности* [4, с. 50], *[композиция] [но] целое уже чужому* [4, с. 51]. Интерпретация данного пунктуационного тропа осложняется также тем, что у Н. Скандиаки встречается использование разных видов скобок в одном контексте, круглых и квадратных:

«узнала» («одну») [синичку] (поймала в синтетику/ неистребимых [чувств]) («идентичность»/»нитки») [4, с. 53].

В математике разные по форме скобки помогают определить последовательность действий: круглые – первоочередное выполнение, квадратные – вторичное, фигурные – заключительное. Такое математическое правило было взято и в другие области науки в методических целях, например, в лингвистике Г.О. Винокур предложил их ввести для того, чтобы показать процесс словообразования. Н. Скандиака ставит квадратные скобки всегда внутри круглых и заключает в них слово, которое хоть немного приближает читателя к пониманию смысла написанного. Это своего рода комментарий, не относящийся к основному тексту, о котором писал Н. Зыков. Это свойство стилистики текста, созданного в виртуальном режиме.

Иногда Н. Скандиака оставляет в скобках пустое место, чтобы читатель сам додумал, какое причастие можно образовать:

стрекоза
впечатления
в составной чашечке.
подброшенно и ярко
и бабочек, сочащихся дальше
и бабочек, []щихся [4, с. 55].

Встречается употребление фигурных скобок, причем во фрагментах, где нет других видов скобок:

листья, падающие на {плечи} всем-семи, уходящим из цвета бельма на глазу птенца клином
в мазутную темноту. осталось налить падением и воздухом ноль. [4, с. 52].

Очевидная причина такого выбора понимается благодаря ассоциации формы фигурных скобок с формой плеч человека (именно эта лексема и взята в такие скобки).

В стихотворениях встречается вопросительный знак в начале строки: *?объявленная тишина* [4, с. 63]. Возможно, это было перенято автором из пунктуации некоторых европейских языков (Н. Скандиака живет в Великобритании), например, из испанского, где вопросительное предложение выделяется среди других с обеих сторон при помощи традиционного и перевернутого вопросительного знаков. Вопросительный знак в начале фразы может быть взят у Н. Скандиаки в скобки: *(?) дальник* [4, с. 59]. При помощи вопросительного знака и скобок поэт также дает читателю возможность выбора морфологических вариантов, выделив таким образом постфикс: *слушали(сь?) два лисенка. лисицы. кислица, красный* [4, с. 77].

Знак «косая черта» (слеш) чаще всего у Н. Скандиаки одиночен, однако есть примеры его двойного и тройного использования:

Сведения для прокрутки
требуются/ / попробовать
повернули внутрь
замысел/ / / забыл
толпа-недотрога [4, с. 58].

Двойная косая черта используется только в библиографии и, иногда, при цитировании стихотворения для деления на строки. Удвоение и утроение косой черты Н. Скандиакой увеличивает дистанцию между лексемами и, с одной стороны, слова *замысел* и *забыл* объединены тем, что находятся на одной строке), а с другой – разъединены слишком большим расстоянием друг от друга и длительной паузой, зато за счет этого создаются новые объединения слов, расположенных в разных строках (*попробовать повернули внутрь замысел*).

Н. Скандиака употребляет астерикс («звездочку») с целью сделать пропуск букв в слове: *[п]олуавтоматический одуванчик. полу*ч*ков*й человек* [4, с. 59]. Астерикс создаёт дополнительные (комплиментарные) пунктуационные позиции внутри слова: после приставки *полу-*, перед последней фонемой <й> и внутри слова. Таким образом, слово с пропусками становится для поэта обобщенным образом человека половинчатого, неполноценного духовно, полуавтомата. В связи с этим поэтом выделена квадратными скобками фонема <п>, встречающаяся во всех этих определениях. Такое пунктуационное оформление является стилистическим приемом умолчания, благодаря которому активизируется читательская мысль, смысловые лакуны заполняются нужными читателю значениями.

В письмо Н. Скандиаки не мог не проникнуть и специфический компьютерный значок @ (так называемая «собака»). При помощи него поэт описывает манеру общения современных молодых людей, символ пустой болтовни в виртуальном режиме:

их беседа звучит как несмазанная тележка
@,--`----,---- [4, с. 68].

Даже в таком предложении, состоящем лишь из значков, можно выделить обращение («собака», которая выделена запятой), информативно значимую часть, выделенную надстрочным значком логического ударения, и блок с дополнительной информацией (после второй запятой).

В текст поэзии Н. Скандиака включает, хоть и редко, смайлики [4, с. 63] и гетерограмму «амперсанд» (& - знак объединения) [4, с. 65].

При помощи верхнего регистра и сносок Н. Скандиака включает внутри своих строк дополнительные лексемы, причём это могут быть русские слова, написанные латиницей: *береза глаза наблюдает/ [долго]/ || [заберет^{0}]* (в сноске: ^{0} *razberet*) [4, с. 78], *стоять обеими в пролитом потоке^{6}* (в сноске: ^{6} *(в [правом/]кровопролитном ботинке: объекте/banke? порядке?*) [Указ. соч.]. Вынесение слов за пределы основного текста и разгружают его, и обогащают дополнительными образами. Чтобы прочитать сноску, читателю необходимо опустить глаза в низ страницы, найти нужную сноску из нескольких, вернуться взглядом обратно, сопоставить дополнительно полученную информацию с основным текстом. Все это требует времени (при прочтении возникают огромные паузы, заминки), создает манеру прерывистого чтения.

Знаки препинания (скобка с точкой) у Н. Скандиаки выполняют роль некоей «рамки», подобно обрамляющей фотографию. Сочетание скобки с точкой обозначает границы стихотворения, одиночная на строке точка делит его на композиционные части:

(.
одного
мгновения: чудо
как стриж
сменяется собой
.
(дешевый
монотеизм
мгновения)
). [4, с. 80]

Единственная на строке точка не уникальное для лирики Н. Скандиаки, а достаточно распространенное явление.

И. Кукулин характеризует стиль Н. Скандиаки как «молекулярный смысловой анализ» [5, с. 158], то есть сумму «конфликтных, разнородных образов, мелодических фрагментов, аллюзий» [Указ. соч.]. Переход между такими «конфликтными» образами болезнен для читателя, не всегда понятен, «становится личной микротравмой» [Там же]. Разная длина строк, сбои в интонации, передающиеся в пунктуационном сценарии, в котором не только заполнены знаками практически все пунктуационные позиции, но и созданы новые там, где их не могло быть, – все это отражает внутреннее ощущение лирической героини, которая «как будто все время наталкивается на препятствия» [5, с. 159]. Критик А. Парщиков характеризует поэзию Н. Скандиаки как «мерцающую» [Указ. соч.]: «небывалые образы» чередуются с «невнятными фрагментами» [Там же], а причина этому, по его мнению, – влияние киберпространства. Многие исследователи сравнивают поэзию Н. Скандиаки с творчеством В. Хлебникова или О. Мандельштама (неологизмы, паронимические цепочки), осознавая и различия (в начале XX века связь с традицией была все-таки сильнее). В связи с этим стихотворения Н. Скандиаки можно отнести к

направлению новый авангардизм (термин рожден по аналогии с «новым реализмом»), который отличается экспериментами в области формы.

И. Кукулин затрагивает проблему восприятия такого творчества современниками: многие ее считают «временным недоразумением» [5, с. 155], похожим на экспонат кунсткамеры для «штучного» [Указ. соч.] изучения, а не системного исследования. С этим можно отчасти согласиться: настоящее искусство требует тщательной шлифовки и не допускает такого количества словесного и знакового «мусора». Однако факт существования такого явления в современной поэзии, бытующей по большей части в виртуальном пространстве, остается фактом, и это существование поддерживается активным обсуждением такого творчества в Интернете, публикацией критических статей о нем и наличием поклонников.

Рассмотрев разные варианты форм внедрения в письменную речь виртуального общения небуквенных графических средств, мы считаем обоснованным расширить принятую в науке классификацию пунктуационных знаков: наряду с лингвистической и типографской группами знаков, функционирующими в современном письме, выделить особую группу – «знаки клавиатуры» – и дифференцировать ее на пунктуационные и типографские знаки, а также выделить в особую подгруппу «компьютерные» значки («собака», слеш с наклоном в разные стороны и другие), выполняющие следующие функции:

1) собственно смысловые (выражение эмоционального состояния, обозначение связи между значениями разных слов, показ пути трансформации одного образа в другой);

2) пунктуационные (обозначение границ синтагм, создание новых пунктуационных позиций между словами и внутри них, градация пауз по длительности путем увеличения количества слешей) и композиционные (единственная на строке точка, делящая стихотворение на структурные части);

3) чисто стилистические (например, при употреблении круглых и квадратных скобок в одном контексте, препозиция вопросительного знака).

Как представляется, выделение группы «знаков клавиатуры», относящейся к периферийной зоне пунктуации, обусловлено несколькими обстоятельствами: тем, что в современном мире помимо письменного и печатного форматов текста появился текст в электронном виде, а также тем, что данные виды знаков пунктуации позволяют выявить новые направления в развитии современной пунктуационной системы и дают возможность современным автором проявить свою стилистическую индивидуальность. Шубина Н.Л. в своей диссертации «Пунктуация в коммуникативно-прагматическом аспекте и ее место в семиотической системе русского текста» обращается к понятию метаграфемика. Это «дополнительная и вспомогательная семиотическая система, в которую включены невербальные знаки и средства, участвующие (наряду с вербальными) в смысловой и информативной организации текста» [7, с. 24]. Понятие метаграфемика удобно для использования потому, что состав ее средств зависти от пределов конкретного исследования. «Знаки клавиатуры», символы компьютерной сферы – это те же метаграфические средства, среди которых встречаются и математические значки, и гетерограммы, и символы, использующиеся параллельно в нескольких сферах человеческой деятельности.

Резюмируем. В связи с развитием виртуального общения в письменную речь хлынул поток символов, не относящихся собственно ни к традиционным знакам препинания, ни к типографским средствам, а также трансформировались методы расстановки символов. Нарушения правил письменной речи отразились на литературном творчестве, в котором активно пополнилась пунктуационная периферия и выделилась метаграфическая группа «знаков клавиатуры». Эта периферия, наиболее «революционная» (по И.Г. Меркуловой), в творчестве Н. Скандиаки переместилась к центру, но только в рамках стиля поэта. Идиостиль Н. Скандиаки составляют метаграфические средства, которые «никак не соотносятся с устной речью и не допускают факторов звуковой репрезентации» [7, с. 23] и являются не просто графическими, а «графико-стилистическими приемами» [8, с. 36], отчего и возникает у читателей и исследователей непонимание логики использования того или иного средства, рассчитанное только на визуальное воздействие.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ:

1. *Русский язык*: энциклопедия / гл. ред. Ю.Н. Караулов. – М.: Большая Российская энциклопедия; Дрофа, 1997.

2. *Меркулова И.Г.* Периферийные знаки пунктуации в современной французской прозе: дис. … кан. филол. наук. – М. 2001.
3. *Зыков Н.* Краткий справочник-словарь русского компьютерного диалекта // Большая бесплатная библиотека. URL: http://tululu.org/read82737/ (дата обращения 15.11.2013).
4. *Скандиака Н.* Стихотворения // РЕЦ: лiнеературный журнал. 2007. № 46.
5. *Кукулин И.* «Создать человека, пока ты не человек…» // Новый мир. 2010. № 1.
6. *Острикова Т.А.* Небуквенные графические знаки и их функции: лингвометодический аспект // Русский язык в школе. 2008. № 6.
7. *Дзякович Е.В.* Стилистический аспект современной пунктуации. Экспрессивные пунктуационные приёмы: дис. … кан. филол. наук. – М. 1995.
8. *Шубина Н.Л.* Пунктуация в коммуникативно-прагматическом аспекте и ее место в семиотической системе русского текста: дис. … д-ра филол. наук. – СПб. 1999.